

МАША, ОЧНИСЬ!

МАРИЯ РУСАНОВА

Мария Русанова

Маша, очнись!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70364227

SelfPub; 2024

Аннотация

«Маша, очнись!» – современная российская проза о взрослении девочки, рожденной в двухтысячных.

Содержание

Начальная школа	5
Как же все это началось, Маша?	5
Мама и ритуалы	7
Играй форте, играй пиано	9
Ты кто такая?	11
Лес	15
Закрывать рот и перестать считать листья	18
Как я ждала тихий, но искренний танец	20
А какой можно быть?	23
Быть можно такой, когда гладят	25
Хватить грызть ручки	27
Быть в школе, не бывая в школе	30
Ева	32
Сюрприз, или без тревог и без сюрпризов	34
Четверг, в который всё произошло	38
Средняя школа	42
Когда спиной чувствуешь: жарко	42
Становлюсь стервой	44
Настя тоже – и все мы тоже	46
Любовь Васильевна и честная компания из кольчатых червей и 7 «А»	48
Стать новой версией себя	52
Гречка для девственницы	54

Любимое дерево	58
Как стать принцессой	59
Болото, кикиморы, болотный царь	60
Праздников праздник и торжество торжеств	62
Яблоко не бери	66
На посошок – на прощание	67
Я доиграла скерце	70
... как Христос простил вас, так и вы	72
Настоящий лес	74

Мария Русанова

Маша, очнись!

Начальная школа

Как же все это началось, Маша?

1 класс, 1 сентября, утро

На первое сентября мы, конечно, опоздали. Мама, зажмурившись, малевала глаза тенями образца 2008 года: сами понимаете, три раза смыть, а в четвертый сорвать куш и все же позволить нам выйти из дома.

Через десять минут мы уже прорывались сквозь толпу родителей, но расходились они нехотя: когда дело касается твоего ребенка, ни одна опоздавшая клуша со своим отпрыском не должна помешать празднику. А что если клуша – моя мама, а отпрыск – первоклашка я?

Я всегда верила в людей и их великие душевные порывы. Но уже тогда я подумала: «Какие-то они жестокие».

Мы стыдливо побежали по ступенькам (а все смотрели на нас!), стыдливо обогнули зубастую директрису и попытались найти мне пару, чтобы потом мальковой вереницей гордо сойти по тем же ступенькам.

Школьные праздники – такой атавизм: зачем-то бежишь наверх, чтобы потом гордо прийти туда же.

Пары мне не нашлось.

«Ирина Валерьевна, ну можно нам хоть кого-то?», – взмолилась мама, криво улыбнувшись классной руководительнице. Ирина Валерьевна подтащила меня к себе, крепко ухватила за запястье, и мы пошли.

Виню ли я маму за то, что происходило следующие годы? Наверное, нет.

Но иногда я думаю: «А что если бы мы все-таки не опоздали и я встала в пару?»»

Мама и ритуалы

1 класс, 1 сентября, день

На каждый праздник мама покупала торт «Прага»: мама любила ритуалы и любила, когда все ей заранее было известно. Она просила ноты у руководителя еще когда нот не было ни у кого из оркестра, чтобы заранее все знать и не сфальшивить, не показаться глупой. Мама мыла голову только яичным шампунем, брала только девятипроцентный творог на завтрак и ни процентом меньше. Но я поняла, что со мной так не надо: не надо про меня все заранее знать.

После развода родителей я решила, что контролировать буду себя сама. Не уверена, что мама поняла это, но мама точно знала: я справлюсь.

Меня оскорбляло, когда мама проверяла у меня пересказ книги или просила показать сделанные прописи: что она, не верит мне? Сама знает: я все сделаю, все выучу. Пусть просто любит меня, у нее и так забот много.

И в этот день мама принесла «Прагу», мне налила сок, себе – минералки в винный бокал. Когда папа ушел, мама перестала пить алкоголь даже по праздникам: не потому что папа был алкоголиком, а потому что мама не хотела о нем вспоминать – даже через ее любимое и их традиционное красное.

«Школа – один из самых классных периодов в твоей жизни, – говорила мама, – это как играть скерцо – не заметишь,

как пальцы по клавишам пробегут. А там аплодисменты, ты на сцене, на тебя смотрит Бог и думает: как ты поступала все эти годы и куда тебя теперь отправить»

Я жевала торт, запивала соком. Было слишком сладко, но я заслушалась маму и подумала: «Скерцо мы уже играли. Но разучивать его так долго!»

Тут я поняла, что мама уже несколько раз позвала к пианино – это был наш вечерний ритуал, который я любила и потому позволяла проводить.

Мама села на табуретку и похлопала по креслу рядом.

Играй форте, играй пиано

1 класс, 1 сентября, вечер

После развода родителей мама забрала меня из музыкалки, потому что некому было меня отводить, и я была даже рада. Старенькая музичка Зоя Ивановна все время говорила держать руку «яблочком» и запрещала манерно двигать кистями: я поднимала руки локтями к небу, когда старалась передать все свои чувства. Чувства Зое Ивановне крайне не нравились, зато мама их во мне ценила больше всего на свете.

После торта мама сказала: «Ты теперь взрослая. Почему бы нам с тобой не сыграть пьесу, которую играют в четвертом классе?».

Так мы стали разучивать пьесу про мышей. Гордости было – до небес: я теперь взрослая, я для четвертого класса теперь.

«Вот тут мышки крадутся, – учила мама, – а вот ту-у-ут! Их догнала кошка, и они побежали врассыпную. Сначала играем пиано, а потом как сделаем форте!»

Затем наступала другая часть, без мышей, и мы представляли парня и девушку, которые ужасно стеснялись потанцевать друг с другом, но парень осмелился позвать девушку, и у них получился тихий, но искренний танец. Моей левой рукой мыши наблюдали за танцем, пока за ними вновь не погналась кошка.

Я думала: «И меня ведь когда-нибудь позовут на танец?»»

Мама угадывала мои мысли и отвечала: «Конечно, тебя позовут. Смотри какая ты хорошая. Доброту и умение ощущать, как у тебя, люди ценят».

Мы улыбались друг другу. Пьеса про мышек была нашей тайной: маме по вечерам надо было репетировать, но мы называли себя хулиганками и все равно разучивали мои пьесы.

Ты кто такая?

1 класс, 2 сентября

Я всегда не любила рано вставать. Выглянешь в окно – а там люди в тараканов превратились: черные, лапками шевелят, усиками дергают и ползут, куда на самом деле не хотят. Столько в этом безнадежности.

Но 2 сентября я подскочила в полседьмого – раньше мамы, а такого никогда не было. Дергались мышцы на предплечьях, внутри все дребезжало. Мой первый настоящий взрослый день.

Я подергала маму за плечо, она что-то мяукнула, и я пошла ва-банк – решила сама заварить ей чаю со вчерашней «Прагой». Пока я делала чай, кипяток капнул на мизинец, и я чуть не выронила чайник, но вспомнила: я мамина защитница, больше никому о ней позаботиться.

Будить маму решила как мама – погладила маму по щеке и сказала: «Кисонька, а там чай стынет»

Мама подскочила и что-то пробормотала про маму: я поняла, что это она про бабушку, которая теперь была на небе. В день смерти бабушки я, пятилетняя, смотрела на голубой, ясный верх и представляла себе тени, которые по загадочным и невыносимо грустным причинам не могут вернуться и рассказать, как им теперь живется Там.

Тут мама быстро сообразила, спрятала в себя полусон,

взяла меня за руку и улыбнулась.

Мама хвалила меня и быстро хлебала желтый чай, который спустя десять лет, улыбаясь, назовет «мочой молодого осленка». Съела чуть засохший кусок торта, и мы стали собираться.

На улице начало холодать, и мама одела меня в куртку. Пока мы шли к школе, я сорвала желтый листочек и положила на заборчик у подъезда: каждый год я так хоронила лето.

«Лето-лето, жду тебя в либретто», – говорила про себя я.

У школы мама сказала: «Маша, тебе надо себя зарекомендовать, чтобы все знали: ты своя».

В школе дрожь не унималась. В кулере не было стаканчиков, и я решила успокоить себя привычным способом – сесть и сыграть какую-нибудь пьеску на коленях.

Музыка растекалась по рукам и выливалась через пальцы. Вдруг на нее, как муха, прилетел мальчик.

Он отличался от других: вместо зеленой школьной формы носил темно-синий костюм и выглядел износительно. Он хотел что-то сказать, но тут запиликал его темно-синий, аж с открывашкой, телефон.

«Мам, да я тут по-королевски», – развязно перебил он воркование в телефоне. Разве так можно с мамами?

Потом мальчик с щелчком закрыл телефон, и я вспомнила блондинку в розовом по телевизору, которая делала так же. «Гламурщина», – всегда говорила мама, но смотреть не переставала.

«Ты кто такая? Тебя не было на подготовке к школе», – сказал мальчик.

«Так меня мама...» – начала лепетать я, но он перебил. Видимо, он со всеми так делал.

«Кто твоя мама?» – спросил мальчик.

«Она играет в оркестре – лучшем в Москве. На пианино», – моя гордость перебила волнение, и я уже думала, что первый школьный разговор получится отличным.

«Чему тебя твоя мама научит? Бренчать? На уроках мы таким не занимаемся. Ты про парные согласные что-то слышала?» – он стал язвить.

«Мальчик, я сама все учу, а к мамам с уважением надо!» – я попробовала съязвить в ответ.

«Я не просто мальчик, я Паша. А ты будешь самой глупенькой у нас в классе и вообще никого тут не знаешь. Я закончил», – Паша хлопнул ладонями у меня перед носом, толкнул в плечо и ушел.

Тут во мне что-то сорвалось. Я вышла из класса, дрожащими губами пыталась у всех спросить, где туалет, но никто меня не понимал. Все поджимали подбородок к шее, поднимали брови и уходили. Туалет я нашла сама и там разревелась.

«У тебя что случилось? Ты ударилась?» – в туалет зашла чья-то учительница.

«Я слишком много чувствую», – ответила я.

Тогда учительница посмотрела на меня пару секунд, тоже

подняла брови и ушла.

Первый настоящий взрослый день полетел в тартарары, и казалось, что теперь назад дороги не было.

Лес

1 класс, 2 сентября, вечер

Попасть в Лес я могла пока только из дома, пока мама готовила: для этого надо было лечь, закрыть глаза, посчитать вдохи и выдохи примерно минуту, и Лес приходил.

Обычно он щекотал щеки, смеясь, тыкал ветками в живот, но сегодня все понял и показал мою любимую поляну с озером. Признаться, эту поляну я взяла из Владыкинского ботанического сада, но переделала ее под себя: убрала людей и зажгла вечно теплое майское солнце.

Я легла на землю, как всегда, понюхала почву. Укрылась мховым одеялом, закрыла глаза во второй раз – уже в другой реальности – и молча лежала так с час. Солнце прыгало с одного века на другой: это значило, что наверху летали птички. Я слышала их песни – через клювики играл Моцарт. Я стала подпевать в ответ. Лес старался развеселить меня, и у него это получалось.

Отдохнув, я встала. Рядом ждало мое любимое дерево. Оно явно было больным, с наростами, и я даже не знала его названия, но каждый раз воровато оглядывалась, хоть людей и не было, подбегала и целовала его щеками, лбом, веками и животом, распластав руки. Дерево пульсировало в ответ, но я не брала слишком много: не хотела высосать из него все силы, а ведь дерево ответить не могло, потому нужно было

вовремя останавливаться и уходить.

Вдали уже ждала знакомая фигура – конечно, папа. Он светился и вместе с солнцем грел меня, сидел спиной ко мне на корточках, пальцами растирал лопух и носом слушал его. Я рванула к нему, запрыгнула на спину и засмеялась. Папа поднялся, я обняла его шею руками, и мы пошли к выходу из Леса.

Я редко видела его лицо – даже когда мы прощались. Он бережно отпуская руки, я спрыгивала и сразу старалась разглядеть его глаза, но у меня не получалось: он сразу обнимал меня, и я пыталась слушать, что у него играло в груди, но никогда не могла расслышать.

Потом папа распадался на золотые кусочки, они улетали наверх, и я открывала глаза. С полки на меня смотрела Богородица с младенцем.

«А я сегодня тоже была как младенец – на ручках», – хвасталась, улыбаясь, я. Богородица улыбалась в ответ и показывала глазами на коридор. Пора было к пианино.

Наш «Красный октябрь» мы забрали из большой, с остатками былой роскоши квартиры и перевезли в нашу бибиревскую двушку. Но «Красный октябрь» был неприхотлив и сразу впустил меня к себе.

Он пах старым деревом, давал заглянуть внутрь себя, раскрыв ладони: я весь перед тобой. Играй на мне, ты славная.

Не знаю, как мне это давалось, может, и он мне подсобил, но импровизировать я умела с детства. Просто начинала с

правой руки, потом подключала левую.

Эту музыку я посвящала Лесу. Тут чирикали птички, тут колыбался иван-да-марья.

Тут молча стоял папа.

Закрывать рот и перестать считать листья

1 класс, где-то начало года

Математику я на удивление любила: ни о чем не думаешь и складываешь себе два плюс три. Иногда, конечно, пять плюс семь, но это пустяки.

Я быстро поднимала руку, быстро отвечала и особо не размышляла о том, кто там вокруг меня. После разборок с этим Пашей мне расхотелось с кем-то общаться. Только стало труднее дышать, и класс как будто виделся через пыльное стекло, но нутром я понимала: это плата за мое невнимание к миру.

Тут сбоку я увидела розовую ручку с фиолетовыми перышками, на которую долго смотрела в книжном, но мама не взяла: дорого. За ручкой показалась рука с розовым маникюром, вылезавшим с ногтей на пальцы. Маникюр вообще-то у нас был запрещен. По руке я поднялась к плечу, шее и тут увидела соседку по парте – девочку, совершенную блондинку с жидкими волосами, которая как-то неодобрительно на меня смотрела.

«Зубрила», – оскалилась девочка и закатила глаза.

Ирина Валерьевна что-то уверенно сказала, и все открыли учебник на странице с деревом. Я быстренько подглядела страницу у девочки, пока она не отодвинула учебник, и уви-

дела дерево целиком. Дерево не было похоже на мое: яркое, плоское – одним словом, все у него было не то.

«Сколько листьев на дереве?» – спросила Ирина Валерьевна. Листьев было – до жути. Один листочек, второй, третий...

Тут девочка подняла руку, и я застыла. Как она успела?

«Много», – угодливо улыбаясь, сказала Настя.

«Правильно, Настя, молодец!» – ответила Ирина Валерьевна, и все стали смотреть в учебнике на лягушку в окружении пяти (я быстро сосчитала) комаров, но мне было не до того.

Мы с Настей долго смотрели друг на друга. Настя ловко вертела ручкой. Я посмотрела на свою и покраснела: моя самая обычная ручка была погрызена с конца и чуть подтекала. Настя брезгливо подвинулась к своему краю парты, издали победило и гадко улыбнулась, опять подняла руку и ответила что-то про комаров.

«Вот так просто? Много листьев? Мама же учила: быть крайне внимательной и быстрой. Отвечать так, как будто выучила этюд и играешь на сцене. Отвечать четко, идеально. И почему у меня не такая ручка?» – думала я.

Еще тоненькое, стекло внутри меня стало расти в толщину. Так прошел первый класс.

Как я ждала тихий, но искренний танец

2 класс, 12 декабря

Наша учительница музыки Галина Ивановна пахла, как писали во всех отзывах на школу в интернете, хересом, но я его не чувствовала, потому что не знала, что такое херес. От Галины Ивановны пахло неудавшейся карьерой, усталостью от детей и да, алкоголизмом. Но только не из-за запаха алкоголя, а из-за запаха болота, в котором Галина Ивановна варилась вперемешку с социальной работой.

«Дорогие дети, не берите в рот это... Хм-м... Нехорошее зелье», – учила нас Галина Ивановна на уроке музыки вместо песен про школу. Школьный план есть школьный план: неважно, что ты принимаешь внутрь между уроками. Дали сверху задание рассказать про вред алкоголя – будь добра, рассказывай.

Класс тихонько гоготал. Галина Ивановна делала вид, что не понимала смеха, и бросалась доказывать точку зрения не свою, но школы, на примере алкаша дяди Андрея, который пил у пятиэтажки напротив.

Дядя Андрей с детьми всегда был добр и иногда даже плакал, когда рассказывал о первой своей любви Тамаре, с которой сидел рядом на уроках немецкого в нашей же школе. Но и от него болотом пахло не так сильно, как от Галины

Ивановны: дядя Андрей был открыт и честен, а вот учительницам надо было шифроваться и не показывать себя обычными женщинами.

Ты государственный работник? Государственный работник. Тогда прячь, зашивай себя наживую, укрывай дыру внутри стенгазетами и просвещай молодые умы.

После лекции об ужасах этилового спирта Галина Ивановна несколько раз постучала по проигрывателю и таки включила нам «Вальс цветов» Чайковского, самое мое любимое у него.

Мальчики на задней парте фальшиво подпевали вслух. Галина Ивановна носилась между ними, устало грозилась директором и учетом. А, когда все успокоились, сказала: «Вальс – это танец».

«А как же мы не знаем, что вальс – это танец?» – хамовато заорал Паша.

Тогда Галина Ивановна подбрела к нему, отодвинула стул вместе с Пашей и махнула рукой к доске.

«Тогда приглашай девочку», – сказала Галина Ивановна.

Паша на мгновение смущенно замер – и, пока класс не заметил его стеснения, подошел к нашей с Настей парте. Паша стал протягивать руку к нам, Настя улыбнулась и заискрила, но Паша продолжал тянуть руку уже мимо Настинного носа – ко мне.

Рядом с Настей что-то с грохотом упало, но я почти не заметила и пошла танцевать. Щеки стали горячими, ноги об-

мякли. Паша протянул чуть влажную ладонь, вторую положил куда-то мне на ребра. Мы стали топтаться из стороны в сторону.

Класс замер: как это, он – с ней? Когда Паша оказался спиной ко всем, он наклонился ко мне и быстро прошептал: «Ты классная»

Тут моя дурная голова замахала ушами и улетела, и случилось оно. Я споткнулась о собственную ногу и упала так, что задралась юбка и сползли колготы.

На мне красовались трусы со скрипичными ключами. Класс привстал, а потом взревел.

Не помню, кто и что говорил, помню только Настино «Ха, у нас вторая музичка!» и Пашино «Это я так задумал, чтобы она вот так!».

Галина Ивановна молча посмотрела на меня, не помогла подняться. Потом молча посмотрела на класс. А потом прозвенел звонок.

Так случилась моя точка невозврата, а стекло, которое могло и треснуть в момент танца, только стало толще.

А какой можно быть?

2 класс, 15 января, перед первым уроком

Я смотрела на фонарь. До урока оставалось двадцать минут. Мама еще пять минут назад подтолкнула меня и ушла, подумав, что я сразу побегу в тепло.

Откуда-то из-за фонаря на лицо небо высыпало по чуть-чуть снега. Снег будто порхал наверх, а потом мерно приземлялся на меня, на асфальт у школы и на саму школу, делая ее просто частью пейзажа, а не смыслообразующим предприятием и конечной точкой.

Я стояла посреди дороги и нарушала привычный путь вереницы школьников: сто процентов у каждого из них во рту должно быть по монетке для Харона. У нас роль Харона играла жадная на деньги охранница, которая пораньше выпускала из школы за звон в ученических ладонях, наоборот, в мир живых, тем самым нарушая мировой порядок.

Из школы донесся первый звонок, и я побежала снимать рейтузы.

«Машка, трусы не в ромашках!» – прокричал кто-то в спину. О моих трусах знала вся школа.

Я уткнулась в стекло, которое выросло в толщину еще чуть-чуть, и стала натягивать на себя туфли. Колготки пузырились, и туфли никак не хотели надеваться. В итоге я надела их через силу и поковыляла к лестнице.

«Машка, ходи не как промокашка!» – заорали сбоку и сразу убежали.

Только в школе оказалось, что хожу я, сильно подпрыгивая. Исправить это никак не получалось. Спустя много лет видео с моей походкой уже стали снимать и выкладывать в школьный паблик «Подслушано ГБОУ СОШ номер N».

«Машка, хватит петь про мышку!» – вдруг прокричал Паша. Откуда он узнал о моей тайне? По нотам? Обычно в процессе я по-своему напевала мелодию: соль, ля диез, соль, фа бемоль.

«Какую мышку?» – подбородок у меня чуть затрясся.

«А сама знаешь», – подмигнул Паша и неспешно, раскидывая ноги по сторонам, пошел к классу.

Мне хотелось выбраться из-под стекла и обо всем его расспросить, но не получалось: пробиться было слишком тяжело.

БЫТЬ МОЖНО ТАКОЙ, КОГДА ГЛАДЯТ

2 класс, 15 января, после первого урока

Окружающий мир прошел за обсуждением унылых растений, профукивающих жизнь у нас в классе, и наконец закончился. Все повскакивали, я засобиралась в коридор – опять смотреть на фонарь и снег. Мальчики вдруг стали меня гладить по спине.

«Как, все-таки меня – гладят?» – я встrepенулась.

«Смотрите, мы ее мочой обмазываем!», – три секунды спустя обработал мозг.

Я завертелась, виски стали долбиться о голову.

Паша облокотился на кулер, помахивая пластиковым стаканчиком с нашей водой. Признаться, вода действительно была мерзенькая и смахивала на мочу. Мальчики образовали круг и наскакивали по очереди, касаясь меня мазками и забрызгивая школьную форму водой.

«Зато гладят. Значит, меня можно касаться. Они ведь и друг друга касаются», – подумала я.

Тут Ирина Валерьевна встала и пошла к кулеру. Мальчики разлетелись и забились по разным углам класса, тихо гудя и шевеля лапками. Но Ирина Валерьевна даже не заметила инцидента и, оказывается, просто хотела налить воды.

Когда она ушла, тема разговора у мальчиков сменилась: они стали обсуждать бакуганов-трансформеров – круглые

фигурки, из которых разворачивались монстрики.

Так прошел мой второй класс, обозначивший, кажется, навсегда мое место в целом мире.

Хватить грызть ручки

3 класс, ноябрь

Ирину Валерьевну я просила каждый день.

Наша классная была женщиной в доспехах, но не потому что защищала слабых, а потому что нарастила знатную железную броню. Она оттарабанивала урок не первый десяток лет и могла из сбивчивых ребячьих объяснений понять, какой номер страницы и какое предложение в задании имеет в виду заплутавший школьник.

Ирина Валерьевна сажала отличников к двоечникам, следовала старому правилу: прилежный ученик поможет, возьмет под шефство, как говорили еще миллион лет назад. Так от Насти меня пересадили к Паше.

Паша рисовал девочке на обложке замазкой родинку на подбородке, кривые зубы и говорил: «Это ты». Он обзавелся игрушкой-скейтбордом и толкал его на мою тетрадку. Ручка у меня, как всегда, подтекала, и на тетрадке оставались пятна. А на прошлой неделе Паша написал что-то на листочке, скомкал и кинул к друзьям. Друзья подло захихикали и кинули на парту к Насте. Та улыбнулась и кинула на следующую парту.

Ирина Валерьевна продолжала тараторить теорию, периодически спрашивала то того, то другого. Кто не отвечал, тому ставила что-то карандашом в журнале. Я до сих пор

не уверена, что за броней она что-то видела. Класс тихий – орать не надо. Кто-то правильно ответил – все материал усвоили.

За партой, куда кинули листочек дальше, сидела Ева – сердитая девочка с хмурыми бровями. Ева за краешки развернула листочек, за мгновение прочла. Я пыталась взглянуть в ее лицо, чтобы понять, что написано на листочке. Тут она резко взглянула на меня, и мне даже стало неловко: так я на нее пялилась. Ева сказала, что идет в туалет (даже не спросила разрешения!) и оставила листочек у моей руки.

Я развернула. Там было написано: «Маша зубрила». Паша убрал глаза, положил в руки скейтбордик и сложил руки в замочек.

Прозвенел звонок, все повскакивали. Мальчики собрались в кружок играть на Пашином кнопочном телефоне в Doodle Jump, девчонки обменивались блестящими наклейками с котятами.

Ирина Валерьевна твердой рукой идеально разрывала двойные листочки напополам. Я встала у ее стола, но она не посмотрела в мою сторону. Тут губы затряслись, и я разревелась.

Ирина Валерьевна только сказала: «Тогда опять к Насте».

Я потащила рюкзак к парте на другом ряду. Привычно поставила его на свободный стул. Настя закатила глаза и с грохотом задвинула стул, прижав рот моего рюкзака.

«Не давай ей ручки, она их сгрызет», – ухмыльнулся Па-

ша, отвлекшись от игры.

Настя брезгливо подвинула пенал к себе.

Я стыдливо положила помятый учебник, рядом тетрадь в чернильных пятнах, достала неточеные карандаши и поняла, что, пока следила за листочком, ручку у меня забрали.

Прозвенел звонок, все рассыпались по моим местам. Как жить дальше, я не знала.

Быть в школе, не бывая в школе

3 класс, 12 февраля

На уроке мы читали сказку про двух лягушек: ну, знаете, одна гребла и выжила, вторая умерла, не попытавшись. Но что если у лягушки может быть третье агрегатное состояние – всеми лапками выплыть в иной мир и остаться там, не исчезнув полностью?

Сказку я прочла быстрее всех – но уже не чтобы быть лучше остальных, а чтобы успеть. На часах был полдень. Нехотя, как будто теплом предсказывая будущее лето, светило зимнее солнце. У меня была игра – за две минуты попасть Туда.

Там не было Леса – все же я пропадала не из дома. Туда я уходила через часы на стенке рядом со мной. Минуту смотришь на секундные стрелки, минуту представляешь себе Там – и все, ты в пустом классе.

Пахло в нем уже не старым мелом и прокисшей тряпкой для доски – пахло запахами другого измерения: они то вытягивались, то прыгали мячиками, то растворялись в атмосфере. Я сидела на парте, свесив ноги, и смотрела в окно. Из окна к ногам падали то капельки моря, то пахучие дубовые листья, то чистый, невозможный для города снег. Иногда появлялся Сатурн: его я однажды увидела на атласе в музее и решила присоединить к земным радостям.

Порой, конечно, откуда-то булькали вопросы Ирины Валерьевны, но я булькала правильный ответ и продолжала сидеть и слушать мир внутри себя.

Время в Таме заканчивалось со звонком: нельзя было привлекать к себе много внимания. В школе отбирали все, не принадлежащее ей, и почти никогда не возвращали.

Я закончила третий класс с пятерками, но Там затягивал меня все больше и больше: сначала я уходила Туда на один урок в неделю, потом на один урок в три дня, а потом на один урок в день. Время между уходами сокращалось, и от этого было даже страшно, но отказаться я не могла: слишком хорошо Там было.

Ева

4 класс, начало весны

Экзамены в среднюю школу были экспериментальным форматом. Нас тренировали весь месяц: выдавали черные гелевые ручки, бланки и однотипные задания.

Я набирала всегда максимальный балл, но каждый раз думала: может, ошибиться нарочно один раз? Может, тогда все примут.

И каждый раз не могла, не получалось. Правильные ответы манили, и так хорошо было выставлять их положенными крестиками на бланке и получать от Ирины Валерьевны короткое «Без сучка без задоринки». Мама не могла нарадоваться, а я не могла ее подвести.

Паша зверел с каждым днем, Настя смотрела уже не брезгливо, а враждебно. Они получали то тройки, то четверки.

Однажды на выходе из школы я услышала разговор Паши с женщиной в мехах – видимо, мамой.

«Ты посмотри, в кого ты превратился! Избаловали, все, хватит с тебя! Так и останешься в начальной школе с малышами?», – ругалась женщина.

«Мам, да я... – Паша понял, что я все слышу, и перешел на шепот. – Да не останусь, хватит!»

«Зубрила!», – вдруг крикнул он. Мама дернула его за плечо и яростно что-то зашептала.

Я отвернулась и побрела по улицам. Тут со мной кто-то поравнялся и сказал: «Пошли от них»

Это была Ева. Она молча вела меня по дворам, а я боялась что-то сказать: в этот день меня никто не забирал, но домой надо было как можно раньше, чтобы с домашнего позвонить маме.

У «Пятерочки» Ева сказала: «Жди здесь».

Мы стояли, ели кислые мармеладки и молчали. Потом Ева сказала «пока», и на ее лице я увидела что-то вроде улыбки.

Я стояла еще час, держа в руках пустую пачку из-под сладостей. Потом опомнилась и побежала домой.

Сюрприз, или без тревог и без сюрпризов

4 класс, 25 марта

Момент, когда мама забирала меня с продленки, я чувствовала еще за десять секундочек: просто вдруг мысленно касалась ее холодных мягких рук, а еще что-то немножко подпрыгивало и кружилось за ребрами. Но в этот вечер к моим ощущениям прибавился жужжащий комок: он то подсакивал почти до головы, то прыгал по рукам, то топтался на печенке.

В этот вечер мама пришла с папой. У меня не получилось удивиться или хотя бы изобразить удивление: я слишком, слишком каждый день ждала папу и до чертиков мечтала, как он по привычке встанет чуть сзади мамы и левой рукой приобнимет за плечо.

В этот вечер мама и папа стояли рядом – и вроде недалеко друг от друга, но между ними спокойно могла проехать электричка и высадить недовольных уставших пассажиров.

Мама и папа тоже были недовольные и уставшие. Я сразу подумала: «Это из-за меня. Не было бы меня – они бы друг про друга забыли».

А потом присмотрелась и поняла: только у мамы взгляд был далеким, а вот папина возбужденность была ужасно знакомой и пугала. Я чмокнула маму и привстала на цыпочки

чмокнуть папу, но он вдруг сгреб меня так, что у меня упала шапка, и прижал к себе. Мама подняла шапку, сухо сказала «Сейчас не лето» и надела на меня шапку обратно.

Не помню, как мы добрались до дома – помню только, что родители (а можно ли их теперь называть вместе, а не по раздельности – мама и папа?) погнали меня идти впереди, и спиной я чувствовала скорую катастрофу.

Дома мама сразу ушла, бросив сумку с нотами нам под ноги, хотя всегда твердила мне: твои учебники и в будущем твои рабочие документы – твое лицо, там вся твоя репутация. А папа вдруг сказал: «Ты же помнишь, как играть “No surprises”? Radiohead которая»

Мы сели за «Красный октябрь». Папа излучал волну, от которой было слишком жарко. Я стала дергать школьную блузку, расстегнула две верхних пуговицы, но открыть пианино не решалась. Мы просидели так тридцать секунд, а потом папа открыл крышку пианино – и показалась моя клавиатура.

Мне не нужны были ноты: каждое воскресенье после храма мы играли эту песню. Папа работал инженером, не умел играть на пианино и только успевал ставить указательный палец на октаву ниже и даже иногда не фальшивил. Я всегда хохотала и поучала его. Папа делал вид, что все понял, и фальшивил опять.

Пошло вступление, но папа не играл. Потом пошел первый куплет. Я зыркнула на него и качнула головой в сторону

клавиш, и папа вроде глядел на меня, но не видел. На втором куплете он вдруг поставил палец на ноту ми контроктавы, я испугалась и на секунду сбилась, но продолжила. А на третьем куплете пришла мама, и началось.

Мама кричала что-то о том, что она устала и у нас вечно нет денег, и приказывала мне остановиться. Папа отвечал, что он дает ей пять тысяч в месяц «на секундочку, без подписания соглашения об алиментах», и приказывал мне продолжать. Я играла, потому что хотела, чтобы папа не злился и остался.

Под конец песни уже было не слышно, и нам стали стучать по батареям. Когда я закончила, папа встал, вынул из пиджака карманную Библию, положил мне ее на колени, посмотрел в окно, и я вдруг поняла: он смотрит так в последний раз.

Они ушли на кухню, я встала в коридоре, но высунулась мама, закрыла дверь и включила воду в раковине. Потом вышел папа, покачнулся, опять сгреб меня, сказал беречь Библию и ушел.

Было совсем тихо, и только на плече у меня шумно пузырился мокрый соленый след от папы. К моему старичку «Красному октябрю» было страшно подходить, к маме тоже.

Тут на кухне стало шкворчать и пахнуть жареным мясом. Мама ритмично, судя по всему слыша какую-то свою музыку, стучала ножом по доске, а из кухни тянуло холодом.

Я мышкой пробралась в детскую, легла и решила никогда больше не просыпаться: для этого, судя по комментариям в

интернете, надо было сказать про себя «Сон мой навсегда, небесный Петр, жди меня».

Я сказала, укрылась одеялом по уши, чтобы потише дышать, и уснула.

Четверг, в который всё произошло

За год до школы, 25 марта. Мне шесть лет

Сегодня был четверг – день новой песни: каждую неделю папа показывал мне самую разную музыку, от джаза до рока. Надевал на меня большие мягкие наушники, улыбался и уходил. Как он говорил, «музыку надо узнавать в одиночку».

«А наушники-то уши обнимают. Уши обнимают наушники, и наушники – уши», – думала я и хихикала.

Иногда песня длилась минуту, а иногда аж десять, но мне нравилось всё, что слушает папа, потому что в каждой песне я слышала его след, его голос, его шутки.

Сегодня была песня с детским хором – я такие любила, потому что сама пела в хоре у нас в музыкалке. В основном, конечно, мы смеялись, щипались и получали люлей от Татьяны Ивановны, нашей хорички, но и пели иногда очень даже.

Песня закончилась, и блинами уже так классно пахло. Интересно, не забыли ли родители купить сгущенку? На моем кнопочном телефончике было восемь пропущенных от папы. Папа опять прикалывается и играет в рацию?

Я открыла дверь, подпрыгивая, прошла по коридору и увидела маму на кухне.

Мама пыталась жевать блины.

«Почему пыталась? Мама же их обожает», – подумала я и тут остановилась.

Под левым глазом мамы был синяк – совсем синий.

«Не зеленый – то есть не получила опять случайно смычком от дурака-контрабасиста. Почему синий?» – соображала я, а потом посмотрела ниже.

С маминым ртом что-то случилось: жевала она им только в правую сторону, а на подбородке был еще синяк. Вдруг я поняла: мама не жевала блины, мама просто пыталась подвигать ртом.

«Мам, ты что делаешь?» – я спросила, всё ещё пытаюсь ничего не понять.

Мама попробовала улыбнуться, но тут я увидела, что у нее нет зуба. Во рту показалась кровь, и я все-таки все поняла.

Дальше помнила плохо: кажется, с ревом сорвалась к маме, кажется, она заревела в ответ, кажется, я ее обнимала за голову, как она меня обычно, кажется, никаких блинов и не было и мне все показалось, кажется (точно), папы не было, кажется, я схватила нож и стала кричать, что защищу ее от злодеев, кажется, мама говорила мне, что бывает, что люди теряются, особенно мужчины и «особенно мужчины в браке с детьми и некрасивыми гримзами-дурами», кажется, «наверное, мы с папой больше не вместе, но, котенок, тут я ничего не могу обещать», кажется, я убежала звонить папе и умоляла его прийти обратно, но он только повторял, что очень любит меня и не выдерживает груза ответственности, и не отвечал,
кажется,

я их прослушала этой дурацкой песней. Не защитила маму, не остановила и не отговорила папу.

Мама сказала, что поздно и пора спать, что-то накапала в стакан воды и дала мне выпить. Вода была травяной и горькой, но слезы хорошо сглатывались и я переставала рыдать. Потом мама погнала меня в ванную.

Я включала то горячую, то холодную воду – проверяла, могу ли ее менять. Намылилась «Маленькой принцессой» без мочалки: все равно никто проверял. А потом застыла: меня же всегда вынимал из ванны папа. Кидал на меня полотенце и с хохотом тер так, что я уже в улыбке кричала: «Папа, ну хватит, слишком сильно!»

Я высунула мокрую пятку на пол и попыталась дотянуться до полотенца, но не получилось. Пришлось мокрой, на цыпочках идти до крючков с полотенцами. Я посмотрела на запотевшее зеркало, и тут мне пришла идея.

Дело в том, что зеркало в нашей квартире было холстом, культурной точкой дома. После моего вечернего душа мы с родителями рисовали на нем зверей, писали друг другу письма, и, даже когда зеркало становилось вновь обычным, в следующий прием душа наши секретные письма оставались.

«Мам, я хочу, чтобы мы были вместе и чтобы вы друг друга любили. Я вас очень люблю. Папа, возвращайся, помирись с мамой. Я не хочу без вас»

Я надеялась, что мама увидит письмо только утром, когда пойдет в душ перед работой, но как назло она зашла меня

проверить. Мама закатила глаза, стерла мои слова и за плечо повела в детскую.

Я не вытерлась до конца, простынка промокла, было холодно – как когда у меня была температура 39,5 и родители обтирали меня водкой и не разрешали укрыться.

Чуть повыше живота, посередине, ужасно жгло и болело, но глаза уже закрывались.

«Я что-нибудь точно сделаю и все исправлю», – подумала я и отрубилась.

Так прошел последний мой, уже только наполовину детский день.

Средняя школа

Когда спиной чувствуешь: жарко

5 класс, целый год

Самым моим любимым временем были те две секунды, когда я просыпалась и еще ничего не помнила. Горели ли фонари под снегопадом или майский рассвет, дуло из-под балкона или мокрел лоб от жары – не так важно.

Самым моим нелюбимым временем были те две секунды, в которые я зачем-то силилась вспомнить, кто я, а потом ругала себя за это.

«Маша, ну зачем ты вспомнила? Ну не помни ничего в следующий раз хотя бы на две секунды позже» – шипела на себя я.

В пятом классе началось оно. Я боялась стоять не спиной к стенке и вместе с этим хотела стоять подольше. Пашу я узнавала по жару сзади. Он хлопал меня по заднице, я подурачки смеялась, а потом пугалась, как будто чувствовала что-то неладное, неправильное.

Ева ничего не говорила, только брала меня под руку, и мы уходили. Я вертела головой, чтобы увидеть Пашу, но его в коридоре всегда не было после этого.

Мама теперь разрешала каждый день самой идти домой.

Ева провожала меня, а через полчаса мы созванивались по домашнему телефону. Я рассказывала о бабушке, о пианино, но никогда не говорила о Лесе: слишком выразительно Ева молчала и могла не понять. А терять Еву я не хотела.

Однажды в конце учебного года она вдруг сказала: «Знаешь что? Я научу тебя стервологии – как быть стервой. В сентябре расскажу».

Ева бросила трубку, а я думала: «Быть стервой – это как? Носить каблуки и цокать жвачкой на уроках?»

Становлюсь стервой

6 класс, начало учебного года

Сентября я ждала все три месяца. Открывала мамины журналы для женщин и смотрела статьи о том, как сбросить три килограмма за три дня. На картинках загорелые девушки (как я уже через несколько лет поняла, с загаром из солярия) втягивали живот и выпячивали попу.

В школе я поделилась с Евой открытиями, но та сказала: «Нет, сейчас покажу. Подожди».

Мимо меня традиционно прошел Паша и собрался что-то сказать, но Ева вдруг повысила голос и выпалила: «Рот свой будешь у стоматолога открывать!»

Это было первое долгое предложение у Евы за все шесть лет в школе, не между нами. Паша только уставился на нас, а потом зашептался с друзьями.

На секретном листочке под диктовку Евы я записывала: «Один. Еще один гудок с твоей платформы и твой зубной состав тронется. Два. Чао, персик – созревай! Три. Засохни, гербарий!»

Прозвенел звонок, я перебралась к Насте. Настя прошипела: «Подвинься, расслаь!» Я глянула на Еву, та показала большой палец вверх, и я кое-как сказала: «Да, красотою мир ты не спасешь».

Паша откликнулся: «И похудеть пора!»

Настя встала и, забыв покачивать бедрами, как она всегда делала, улетела из класса.

Настя тоже – и все мы тоже

б класс, как оказалось, такое было каждый день, просто не в школе

Настя вернулась в класс, села рядом. Демонстративно поводила по губам оранжевым блеском, выпила воды из термоса с надписью «Keep calm and be cool». Но что-то в ней было не то. Я прислушалась и поняла.

От Насти пахло рвотой. Я заглянула к ней в глаза и увидела женщину – такую же, как и Настя, блондинку, только тридцати восьми лет, разведенную с крепким мужиком из-за его измены. Женщина таскала Настю по спортзалам вместо выполнения домашки, сажала на соковые детоксные диеты, водила ее на маникюр и говорила: «Будешь красивой – будешь всех их за рога водить».

Настя делала домашку по ночам, пила брокколевые соки, а после школы, через сорок минут, когда уже все одноклассники расходились, покупала в ларьке рядом три пачки читос и съедала на месте. Дома, пока женщина была на работе, Настя наклонялась к унитазу, представляла себя толстой и выкидывала из себя ненужные калории. Только сегодня случились мои поганые слова и тайна Насти открылась в школе.

Тут Настя поняла, что я все узнала. Не потому что я долго на нее пялилась, а потому что женщина внутри Насти разозлилась и закричала: «Закрывай, закрывай все! Никто

не должен знать, какие секреты красоты у моей дочери!»»

Настя попыталась рыкнуть на меня, но ее голос осип и чуть хрипел. Тогда она закрылась от меня очками с модными стеклами в виде космоса и больше не поворачивала голову в мою сторону.

Так оказалось, что у каждого что-то свербит.

Любовь Васильевна и честная компания из кольчатых червей и 7 «А»

7 класс, 29 апреля

Через три минуты биология. Я так сильно наклонилась к странице о кольчатых червях, что почти поддела носом замызанную страничку. В углу странички кто-то любезно нарисовал червя с безумными глазами и вампирскими клыками. Червь ел сам себя.

Горячая рука сзади взяла за плечо.

«Ты замкнулась, – сказал Паша, понизив голос, – у тебя все хорошо?»

Я ответила «да» и посмотрела в окно, стараясь не обращать внимание на Пашу, который как-то странно на меня уставился. Тут зазвонил звонок металлической мелодией «Чему учат в школе».

Все в школе было каким-то ненастоящим и химозным. Белые диваны, которые выдвигали только к приезду комиссии. Пластмассовые яблоки из корзинки Красной Шапочки к новогодней елке. Копья ратников из школьного музея о Великой Отечественной войне.

Мы встали, чтобы поприветствовать Любовь Васильевну – «русскую красавицу», как ее называли в школе. Любовь

Васильевна мазала губы персиковой помадой, глаза голубыми тенями и никогда не расчесывала крашенные желтые волосы. А еще Любовь Васильевна обладала феноменальной способностью орать все долбаные сорок пять минут.

Она орала на двоечников, но дисциплины не получалось. Потом орала на отличников, чтобы неповадно было. Она орала теорию о кольчатых червях, тряся учебником у меня под носом. В какой-то момент нос мой не выдержал, я чихнула и съежилась: перебила.

Любовь Васильевна умолкла и вдруг взвыла: «Все нервы мне вытрепали! Самостоятельная работа! И не надо на меня так смотреть».

Любовь Васильевна ушла в лаборантскую: богом могу поклясться, что не только за листочками, но и за секретным горячительным напитком для крепких связок, который она сто процентов попивала на переменах с нашим школьным скелетом Йориком.

Йорика вытаскивали из лаборантской раз в год, чтобы в декабре надеть на череп красную шапку с пришитой к ней бородой, а на грудную клетку свесить мишуру. В остальное время Йорик покоился в дальнем углу лаборантской, и мы тихо ему завидовали: прожил человек жизнь, в школе давно отучился, а теперь никакие кольчатые черви его не интересуют. Стоишь себе да попиваешь медовуху со старой девой.

Пока Любовь Васильевна копалась, ко мне подпрыгнул Паша, аккуратно держа телефон экраном книзу. Зачем-то

задал дурацкий вопрос о том, самим ли нам надо вырывать двойные листочки, и тут я поняла: он меня фотографировал, тыкая с нижней стороны телефона большим пальцем.

Я зачем-то долго отвечала про листочки, косясь на экран. Потом все-таки выдавила: «Не надо, уйди».

Паша завозмущался, мол, а че такое, но потом посмотрел на меня, все понял и поскакал к дружбанам.

«Смотрите, вот они – типичные любители биологии!» – загоготал он. Дружбаны верно захихикали в ответ. Потом телефон передали Насте. Настя проворковала что-то про зад-ротов и с Пашиного телефона закинула фото в беседу класса.

Когда Любовь Васильевна, явно успевшая поддать секретного горячительного напитка, вышла из лаборантской, смеялся весь класс. А дальше все случилось как в замедленной съемке: Любовь Васильевна вычислила виновника, подлетела к Паше и дала ему леща его же учебником. У Паши медленно исчезла улыбка и загорелась та самая хамоватая гримаса, с какой люди устраивают скандал в ресторане из-за недосоленной еды. Паша низким протяжным (у нас же замедленная съемка) голосом заорал: «Мой отец вас засудит, и вы сядете!»

Любовь Васильевна раскидала листочки и заорала в ответ – так же низко и протяжно: «Да лучше сесть, чем с вами такими быть!»

Потом дверь класса с грохотом закрылась, замедленная съемка прекратилась и мы затихли, но потом все быстрее и

быстрее стали говорить, а скандальная новость о Любови Васильевне неслышно потекла по всем телефонам школы.

Так мы остались без учителя биологии. А еще я впервые увидела в школе что-то настоящее – ну, знаете, когда работники образовательной организации оказываются просто уставшими училками.

Стать новой версией себя

8 класс, зима

Паша хлопал по заднице, я краснела. Ева все больше и больше говорила со мной и в школе и однажды сказала: «Да пусть перестанет! Прекрати подлизываться. Я научу, и больше не тронет».

Так на каждой перемене, в углу, где поменьше людей, мы учились ходить.

Ева говорила: «И не подпрыгивай! Уверенно, ты же стерва».

Я старалась ходить уверенно, но меня выдавали пальцы: по бедрам я настукивала музыку Бетховена. Ева замечала и командовала: «Пальцы!»

Ева традиционно у «Пятерочки» разматывала клубок наушников и давала мне один. Мы слушали Кэти Перри. Когда однажды я предложила Чайковского, Ева сказала: «Так не пойдет. Стервы не слушают классику».

О Паше говорить было запрещено. На переменах Ева раскидывала мне руны с советами на день, но про себя я задавала вопрос: как же он относится ко мне. Ева не слышала меня, как штурман может не слышать матросов, и потому не ругалась.

Ругалась она только когда я совсем уходила за стекло, подальше ото всех и от нее в особенности. Было поздно не ста-

новиться стервой, и Еве не нравилось, что она не может вытащить меня из моего же мира.

Гречка для девственницы

8 класс, зимние выходные

Была суббота. Мне сказали раскрыть ноги бабочкой – я и раскрыла. Полная женщина с лицом раскулаченной крестьянки (мы как-то на истории прошли эту тему, поэтому я могла щеголять такими сравнениями) наматывала на деревянную лопатку сахарную пасту.

Год назад я разрыдалась, пройдясь один раз по голени эпилятором. Теперь за тремя тонкими фиолетовыми ширмами меня лишали остатков детства.

После шугаринга глубокого бикини я ковыляла до следующего салона. Кусочки пасты на внутренней стороне бедер под платьем слипались друг с другом.

«Ну эта точно девственница», – комментировали парни, сидя на перилах. Все мужчины для меня были большими – даже маленькие и какие-то мелкие, малодушные. Я похолодела и ускорила шаг.

Девственница – значит, есть что отнимать. И у меня непременно заберут: потому что так надо.

На первую в жизни коррекцию бровей меня повела по салонным закоулкам 50-летняя дама с такими бровями, что я почти передумала, но отказываться было неловко. Брови у нее были нарисованные и черные, и волос на них не было, потому что все волосы, видимо, перепрыгнули ей на голову:

нарощенные, будто с парика, они были ей по копчик. Зачем мне все это?

Во вторник меня вдруг обнял Паша, поприветствовал перед географией. Я ощутила, как легкие как-то странно вошли в воздух и куда-то полетели. Хотелось, чтобы меня так обнимал парень еще, и еще, и еще. Почему – я не совсем понимала. Только вот за 2 секундочки до соприкосновения обдавало потом, пересыхало во рту и хотелось поскорее спрятаться, но это пустяки.

«Я ее за складки держу, смотрите!» – гоготал Паша.

После того объятия вечером я долго смотрела на себя. Мама сказала, что я пополнела, и ляжки казались бесконечными. В школе Настя дразнила за широкие брови, срастающиеся на переносице, и называла орангутангом: дело в том, что ноги я брить боялась (волосы вырастут жесткие и черные!), эпилятором было больно, а на шугаринг идти вообще было страшно. Прыщи не собирались уходить с моего четырнадцатилетнего лба, и хотелось плакать оттого, какая я уродливая.

Мама иногда в сердцах говорила: «Ты такая же упрямая, как твой отец» Вот я и решила во что бы то ни стало стать красивой. Отважно пойти на шугаринг, брови и без лишнего трепета удалить все родные, но ненужные волосы.

После бровей была чистка. Косметолог сказала, что ни разу не видела такого запущенного лица. Меня это не удивило, только убедило: значит, я дефектная. Значит, все-таки отли-

чаюсь.

Я купила скраб, гель для лица и маску – три в одном – в хозяйственном магазине. Нашла в паблике «40 кг» секретные рецепты похудательных напитков: спустя несколько лет я поняла, что это были опасные мочегонные коктейли – выпить кефир с кипятком, корицей и имбирем. А еще я решила, что теперь вместо двух половников бульона буду наливать один, вместо целой котлеты есть четверть, а вместо трех ложек с фасолью в сметане одну. А потом день на гречке.

Корицу я не могла добавлять ещё пять лет. Кефир пила морщась. Имбирь ненавижу навсегда. Гречку в целом не ем.

С папой я виделась раз в несколько месяцев. Он почти не писал, но, когда мы встречались, изо всех сил обнимал, желая по-отечески впитать меня, и явно скучал. Говорил, что я похожа на маму – такая же красивая, и давал поговорить с ней по телефону. На телефоне было написано совсем не «Мама».

За неделю я сбросила заветные три килограмма, а на следующей набрала сразу четыре. После каждого приема неправильной еды я старалась исправить ситуацию пятью стаканами воды и после лежала, не в силах встать. Кожа стала только хуже. Зубы ощущались совсем хрупкими.

Когда я видела на весах 60.2 килограмма, а не 59.7, все горело, тлело и рушилось внутри, а ребенок в том горящем домишке давно лежал окоченелый, обугленный и совсем мертвый.

Ребенка больше не было. Папы рядом тоже.

На их развод я совсем не могла повлиять. Зато сделать так, чтобы все парни за мной бегали, а потом обнимали, могла.

Папа обнимал меня. Мне хотелось убежать и хотелось остаться с ним подольше.

«Что-то ты поднабрала», – говорил папа.

Любимое дерево

8 класс, вечер после экзекуций красоты и папы

Я уже засыпала, но закрытыми глазами увидела, что разум тянет меня куда-то в майскую прохладу, и все поняла.

Меня ждало дерево – совсем неидеальное, но самое красивое в мире. Тут я подумала: «А надо было мне все это? Эти брови и шугаринги?»

За деревом светился папа и вдруг повернулся ко мне лицом – впервые. Папа улыбался, расставив руки. Я подумала, что слишком уж большая, но решила и повисла на нем.

«Так ты красивая – всегда была красивой», – папа вдруг сказал что-то. Я, конечно, заревела.

Тут я полетела куда-то наверх, папа остался у дерева. Небо из золотого превратилось в космическое, и я уснула.

В ту ночь никаких снов и не нужно было.

Как стать принцессой

8 класс, наустро

Встала я чуть опухшая после предсонных слез. Ноги пока казались неидеальными, животик оставался. Лес хотел что-то сказать, но я не могла пробиться к главной Его мысли.

Я надела бюстгальтер с пуш-апом: его мне случайно купила мама, не посмотрев, а застегнуть его на себе раньше было боязно. Влезла в телесные колготки, несмотря на морозное утро. Запасной щеткой для зубов расчесала брови.

В школе класс замер. Паша глядел куда-то над животом, Настя долго смотрела на брови. Ева неслышно помахала руками, как машет хореограф танцовщице.

Я прошла и даже не подпрыгивала, не стучала пальцами по бедрам. Никто не снимал на телефон, и в тот день никто ничего мне не сказал.

Я, кажется, стала стервой, а стекло стало толще: новый образ, новая броня.

Так прошел остаток 8 класса.

Болото, кикиморы, болотный царь

9 класс, первые полгода

Объявление о наборе в гимназию я увидела в рекламе, пока переписывалась с Евой в соцсетях. В рекламе было написано: «Ты девятиклассник? Поступи в гимназию N».

О гимназии я никогда не слышала. Вбила в поисковике – и оказалось, что гимназия лучшая в Москве. Учиться с лучшими, быть лучшей. Я почувствовала запах тины: так пахла моя ГБОУ СОШ. В ней тонула я, в ней тонули все, но как будто не замечали этого.

Я написала в тетрадке карандашом, рядом на всякий положила ластик: сейчас как напишу глупости. Написалось вот что:

«Я не могу больше в этом болоте с этими... Кикиморами! Я не хочу быть сонной мухой, я не хочу больше! Я хочу поступить, только вырваться отсюда».

Демоверсии вступительных заданий казались сложными, но подъемными. Окрыленная, я поскакала в школу, но там ударилась об Еву – не плечом, конечно.

«Как хочешь, бросай тут все, они действительно не стоят тебя, – сказала Ева и тут прибавила, – а я?»

Я лепетала что-то о том, что Ева моя лучшая подруга, что мы будем так же переписываться и видеться, но Ева смотрела сквозь меня. Как говорят: свет горит, а дома никого нет.

Признаться честно, что-то противное внутри шевелилось и шептало: «А что если ты мелешь ерунду, что все неправда?»»

Праздников праздник и торжество торжеств

9 класс, 15 апреля

Завтра Пасха – наш праздник. Соревнуешься в битве вареных яиц, ешь апельсиновую пасху и самые страшенькие и вкусные на свете куличи: у мамы каждый год проваливается куличная серединка, и мы пытаемся исправить положение сахарной пудрой. Ничего не выходит, и мы всегда позорно стоим в Страстную субботу рядом с красивыми куличами и краснеем.

Но главное в Пасхе совсем не куличи, а ночная служба, на которую мы традиционно ходили с папой, пока мама, еще до их развода, ждала нас с мясными салатами дома.

Пасха – это что-то типа Нового года, только с Богом вместо Деда Мороза: чувствуешь, что где-то, в слоях реальности, происходит чудо и наступает новое время. Это время для тех, кому так нужен второй шанс и вторая попытка.

Пасха – праздников праздник и торжество торжеств.

К нашему бибиревскому храму слетались тени людей, которые под фонарями превращались в наших соседей, знакомых и даже людей, каких каждый день встречаешь по дороге в одно и то же время.

В толпе я увидела нашего завуча Нину Ивановну. Обычно строгая и недовольная, она улыбнулась мне.

В храм было не зайти, поэтому мы встали у дверей. Хотелось спать. Я не разбирала слова молитвы и только крестилась вместе со всеми, но папа внимательно слушал и, кажется, плакал.

Всем зажгли свечи, и я вострепелась: начиналось самое главное. Кучками мы пошли по весенней мерзлой ночи. Плечам было ужасно холодно, но пальцам горячо. На мой напряженный, почему-то оттопыренный мизинец капал воск, как бы напоминая: твоя плоть жива и уязвима, и кто ты – по сравнению с Богом.

Над нами пролетели два белых голубя, и от них в темноте даже стало светлее.

«Это же как мама и папа. Может, Бог что-то хочет мне сказать? Дать подсказку? Боже, помоги мне понять, что же нужно», – напряженно думала я.

Мы дошли до входа в храм. Я осмотрелась: на полунощницу собралось, кажется, всё Бибирево. Тут батюшка крикнул «Христос Воскресе» и люди грянули: «Воистину Воскресе!»

Я вздрогнула и от неожиданности заплакала. Никто не заметил, даже не взял за плечо, и на второй и третий раз я надрывно, немножко захлебываясь, кричала со всеми: «Воистину Воскресе!»

Тут я оглянулась и поняла: папы нигде не было как будто уже очень давно. Я позвонила папе один раз, потом еще, еще и еще, обежала вокруг храма, запрыгнула в сам храм. Потом, как меня учили, встала на месте, где потерялась.

Папа не пришёл и спустя полчаса, и спустя час. Я бегом возвращалась домой, стуча зубами и потирая себя ладонями. Пригибала голову, делалась сутулой и ускоряла шаг, когда проходила мимо приподъездных алкашей. Заходила в тень, когда видела крепких околофутбольщиков. Из носа от перевозбуждения пошла кровь вперемешку с соплями, которые сливались со слезами и затекали в рот.

Дома мама сразу всё поняла и долго отогревала чаем с куском кулича, обнимая меня за голову.

Когда мама поцеловала меня на ночь и выключила свет, я прокралась к полке над письменным столом, где стоял наш иконостас, взяла иконку с Иисусом и сказала ему: «Мне теперь больше некуда, понимаешь? Возьми меня с собой, пожалуйста, и дай мне знак, чтобы я знала, что ты есть».

Тут за дверью послышался грохот и мамин крик. Когда я прибежала, мама лежала на полу, обнимая себя за левое плечо, и плакала. Рядом в грязной луже валялась половая тряпка.

Почему мама решила помыть пол именно ночью? Почему разлила ведро? Почему в итоге получила просто синяк, а не перелом руки, который на несколько месяцев лишил бы её работы в оркестре? И почему всё случилось именно тогда?

В тот вечер Бог подал мне знак и сказал не умирать и позаботиться о маме.

«Ты теперь мой новый отец, – говорила я тихо иконе, пока мама мазала себе на плече йодовую сеточку, – я всегда-все-

гда буду тебя слушаться, только никуда не уходи, пожалуйста, и береги маму»

Яблоко не бери

9 класс, май

Я хотела спуститься по лестнице. Паша проходил мимо и опять хотел сделать то, что делал всегда, но вдруг сзади подошла Ева и взяла его за запястье.

«Подойдешь к ней...» – начала Ева.

«Так что?» – сказал Паша.

Ева заорала: «Потому что нравишься ты ей, хватит!»

Ева толкнула его, Паша полетел с лестницы и ударился о кафель. В сознание он пришел не сразу.

Я испугалась, но подумала: «Надеюсь, он не вспомнит ее слова».

Ева, красная, подошла ко мне и выпалила: «Ты не стерва и никогда ей не будешь. И уходи, уходи отсюда».

Она отвернулась и высморкалась в рукав. На следующий день в школу пришла полиция с воспитательной беседой. Еву исключили совсем перед выпускными экзаменами.

На посошок – на прощание

9 класс, 20 мая

«До 20 мая включительно абитуриентам придут результаты вступительных испытаний на электронную почту», – эту новость на сайте гимназии я обновляла раз за разом: вдруг поменяют, вдруг результаты уже выслали, а письмо не пришло, вдруг они задерживаются.

20 мая я ждала последние два месяца, а в тот самый день обновляла почту даже на уроках математики: за использование телефона провинившемуся ставили единицу и выгоняли с урока.

Уведомление всплыло на перемене, сразу после урока математики. Сначала шел долгий дурацкий текст с благодарностями за участие.

«Неужели так долго благодарят, потому что не прошла?» – снаружи я застыла, а внутри легкие стали бегать по кругу, немного подпрыгивая.

Последним предложением, даже не выделенный жирным шрифтом, стоял результат.

Сто из ста. Я захрипела, пошла спиной назад и ударилась головой о школьную стенку.

«Машенька, ты чего?» – спросила учительница по литературе Людмила Ивановна.

«Я от вас... То есть вы мне все... Ой... Я поступила!» –

выпала я, заревела и бросилась обнимать опешившую Людмилу Ивановну.

Мужская, не случайная, не Людмилы Ивановны, рука коснулась задницы.

«Поздравляю. Надеюсь, ты все еще носишь эти свои ключи», – прошептал Паша.

Дома мама обняла, купила «Прагу», и мы долго смотрели по телевизору концерт № 1 для скрипки с оркестром Шостаковича.

«Это, получается, все? Больше их всех не будет?» – думала я.

А в полдвенадцатого, когда я уже думала попытаться уснуть, мне позвонили с неизвестного номера.

«Вдруг бабушка с того света шлет весточку?» – подумала я и взяла трубку.

Но в трубке с самого начала ломаным голосом стали тараторить.

«Ты знаешь, я мечтаю об острове – таком с кокосами, но без пальм, не люблю пальмы. Понимаешь, меня каждое лето в этот долбаный Дубай с этими пальмами, я не могу его уже видеть. И чтобы на острове никого, я их тоже всех видеть не могу. Чтобы я лежал на песке, и на меня океан вот так – с головой. А ты зубрила. Ты что, насовсем?»

Я помолчала пару мгновений и ответила Паше: «А на этом острове есть Лес?»

Тогда он бросил трубку.

Я села в кровати, чтобы подумать, но мыслей не было.

Я доиграла скерце

9 класс, конец мая

Нас погнали в актовЫй. По школьному радио явно перво-клашичьим голосом, запинаясь, читали стихи о весне.

Выпускные экзамены я сдала на отлично, кто-то с Божьей помощью, но тоже сдал.

В актовом пахло заключением – только не заключением во внутреннюю тюрьму, как всегда было у меня, а заключением, побегом из этой внутренней тюрьмы.

«За блестящие успехи в учебе, труд и твой божий дар, Маша! Именно он вел тебя все эти годы по нелегкой и такой интересной дороге учебы, – профукала в микрофон директриса, – но нам всем интересно вот что: кто же был с тобой рядом все эти годы?»

Я посмотрела на Пашу. Паша еле слышно покачал головой из стороны в сторону и одними губами сказал «нет».

Потом я вспомнила о Еве – и тут увидела, как Ева выходит из актового, чуть подпрыгивая: так она делала, когда злилась на меня и хотела передразнить. Ева пришла ради меня, но все поняла и вместе с тем ничего не поняла.

Когда стоишь в самом конце – на уроке физкультуры ли или в конце пути – понимаешь: а точно ли все это было важно в масштабах Вселенной?

Паша вдруг показался обычным мальчуганом, который хотел выпендриваться, но влюбился и стал вести себя, как вредоносное насекомое: кусаться, но все еще быть ужасно уязвимым. Ева оказалась одинокой, озлобленной на мир девочкой, которая пыталась с помощью нашего общения заявить о себе хоть кому-то. Настя так хотела быть идеальной, но этому никогда не суждено было сбыться. Мама оказалась просто мамой, а вот папа...

Папа оказался потерянным, отчаявшимся человеком, который наделал кучу ужасных ошибок, получил свою двойку – но для меня пока карандашом. Папу было даже жалко.

И вообще всех было нестерпимо жалко.

... как Христос простил вас, так и вы

9 класс, конец мая

Награждение закончилось. Толпа выпускников вывалилась из актового, и побежали девичьи ноги в чулках и мальчишечьи школьные потрепанные ботинки. Солнце било в глаза, я по привычке чихнула от пыли и вдруг прислушалась: нос смешно заискрил, глазам было тепло от солнца, от столовой веяло котлетами с белым жирком. И тут я поняла: пыль была не от топота ног полувзрослых людей – это мое толстенное стекло, не позволявшее быть по полной, дало трещину.

Я все стояла и пыталась обоими глазами посмотреть на солнце. Меня случайно, уже не со зла пихали и касались рук одноклассники: надо же им как-то пройти.

«Им же всегда было все равно. Дразнили и забывали. А сейчас? Сейчас уже совсем неважно», – думала я.

Я разблокировала телефон и увидела три пропущенных от папы. Три – это всегда неслучайно. Я посмотрела на небо, но солнце никуда не уходило – только тихо смотрело на меня – и решила позвонить.

Мы говорили по телефону, но я так хорошо видела папино лицо. Папа плакал, замолкал и улыбался, плакал, замолкал и улыбался, плакал, замолкал и улыбался.

Он просил прощения: за то, что был «подлым трусом», который испугался ответственности, за то, что в отчаянии

сбежал с полунощницы, за то, что не был рядом так долго. За маму. Он не думал возвращаться к нам, а я не думала, что он вернется.

Я простила – и не из-за плюшек сверху: мол, тех, кто прощает, и Бог за все простит. Я простила просто потому что выросла и потому что смогла.

Тут папа заторопился, чувствуя, что разговор пора закончить, сказал, что любит меня, и дослушал мой ответ, а потом запиликали гудки.

Папа всегда останется собой, и не попишешь тут.

У актового не осталось людей, и я почувствовала, что почти одна, но ощутила чье-то присутствие.

Солнце все играло на лице и щекотало шею, будто подталкивая: выходи отсюда, тебе пора.

Настоящий лес

9 класс, конец мая

Оказывается, все эти девять лет наша школа нежилась в листве. Тут пахло сиренью, там танцевали березы, а внутри, укрывшись ветками, находилась ГБОУ СОШ под номером N.

Я перелезла через заборчик к вокругшкольному пространству, тронула ствол дерева. Оно ужасно походило на мое – из Леса.

«А вдруг это мое дерево, просто оно все это время ждало меня в реальности? Маш, мы что, очнулись?» – спросила я себя.

Мимо прошел дедушка с внучкой и сказал мне: «Мария, хватит с тебя гири!»

Я ничего не поняла, но тут он сказал: «Молодец. Не вешай на себя столько. Оглянись – и увидишь. И тотчас прозрели глаза их, и они пошли за Ним»

Я шла домой, но все кружила по улицам и обнаруживала мир заново.

Душа шевелилась за ребрами. Впереди не было ни развода родителей, ни школы, ни Евы, ни Насти, ни даже Паши.

Впереди был, оказывается, совершенно незнакомый мне мир и чуткие улыбки с неба.

Впереди была целая жизнь.